

УЛЬРИХ ИОГАННЕС ШНАЙДЕР

Преподавание философии в немецких университетах в XIX веке¹

Введение

Уже в середине XIX столетия о немецких университетах говорили как о важном, то есть опасном для философии институте. В 1851 году в своей статье «Об университетской философии» Артур Шопенгауэр выступил с критикой распространенного «лекторского» подхода к философии, который он, вообще говоря, считал пагубным, то есть пагубным для философской мысли. Вскоре после этого Фридрих Ницше возмущенно писал о связи государственных служащих с областью свободного и независимого духа: «в результате подлинная философия остается непонятой и замалчивается». Начиная с XIX века критики «философов по должности» перестали отмалчиваться, по крайней мере, там, где они находили слушателей. За пределами Германии схожая ситуация сложилась и до сих пор остается неизменной во Франции.² Однако история философии в ее ныне известной форме обходит этот факт молчанием. Критика университетской философии и имплицит-

¹ Впервые заняться исследованием немецкой университетской философии меня побудил Вольф Лепенис, который в 1987 году пригласил меня принять участие в конференции по «институционализации философии» на «Wissenschaftskolleg» в Берлине. Первые результаты изучения университетских календарей были представлены мной в 1991 году на конференции по «Истории университетской философии» в Оксфорде (Магдален колледж), на которую меня пригласили Джонатан Ри и Лоренс Броклисс. За обоснованные замечания и ценные советы по улучшению рукописи мне хотелось бы поблагодарить М. Хюбера (Мюнхен), В. Мюллера (Мюнхен), В. Пекхауза (Эрланген), К. Конке (Берлин) и Л. Броклисса.

Сокращенный перевод выполнен по изданию: Schneider U. J. 'The Teaching of Philosophy at German Universities in the Nineteenth Century', in *History of Universities*, vol. 12, Oxford, 1993, pp. 197–338.

² Впервые выражение «philosophe salarié» («философ по должности») было использовано Жозефом Феррари, критиковавшим Виктора Кузена и его школу; ср.: J. Ferrarì, *Les Philosophes salariés* (Paris 1849; Paris, 1980); о проблемах, связанных с преподаванием философии (обязательным во французских школах), см. также: GREPH [Groupe de recherches sur l'enseignement philosophique], *Qui a peur de la philosophie?* (Paris, 1977); об отклике, который подобная инициатива получила в Германии, см.: Norbert Bolz (ed.), *Wer hat Angst vor der Philosophie? Eine Einführung in Philosophie* (Paderborn, 1982).

ное противопоставление университета и свободной мысли не оказали почти никакого влияния на представление философии о себе самой. При изучении европейской философии Нового времени игнорируются социальные и институциональные контексты ее существования; поэтому одинаковым статусом без труда могут наделяться как академические преподаватели, так и университетские «аутсайдеры». В этом отношении профессора философии — Гегель, Хайдеггер и Адорно — стоят в одном ряду с Ницше, Бенямином и Сартром (ни один из которых не преподавал философию в университете), назовем лишь несколько важных фигур.³ С точки зрения истории философии, историческое бытие университетской философии растворяется и в какой-то степени сводится к указателю, при благоприятной возможности просто отсылающему к институту. Из виду здесь упускается не только существование философов, которые были *также* и университетскими профессорами, но и то намного более важное обстоятельство, что даже те, кто не занимали университетских должностей, как правило, учились в университете и в этом смысле были, как говорят в Германии, «университетскими».

Известно, что критика университетской философии у Шопенгауэра была направлена главным образом против Гегеля и не была свободна ни от зависти к положению и влиянию последнего, ни от раздражения по поводу собственных упущенных возможностей.⁴ Так что термином «университетская философия» мы обязаны тираде отверженного. Сегодня же, чтобы лучше понять значение этого термина вне области его первоначального употребления, вряд ли достаточно просто отказаться от полемической или, напротив, апологетической точки зрения и перейти к рассмотрению академического положения великого философа. Нет никаких сомнений в том, что этот феномен, внимание к которому первоначально было вызвано раздражением, значительно шире. В XIX веке философия в Германии преподавалась в девятнадцати университетах, и никакое отдельное рассмотрение, например Шопенгауэра, не способствует дальнейшему прояснению обширной сферы университетской деятельности, скрытой за этой фигурой. Напротив, следует быть очень осторожными, потому что разумные высказывания отдельных университетских профессоров, оправдывающие поглощение философии университетом, точно так же не способствуют складыванию завершенной картины. Ибо слишком долгое время историки университетов в Германии полагались на декларативные объяснения, дававшиеся «изнутри» университета, и пытались сделать «идею» этого института исходной основой для объяснения его практики.⁵ Сложно отыскать промежуточное положение между

³ Даже тогда, когда история философии понимается как история философских проблем, например в работах Герберта Шнедельбаха, проблема влияния университета на философию остается без внимания; ср.: H. Schnadelbach, *Philosophie in Deutschland 1831–1933* (Frankfurt am Main, 1983).

⁴ Будучи приват-доцентом Берлинского университета, во время летнего семестра 1820 года Шопенгауэр читал свои лекции в одно время с лекциями Гегеля; уже в следующем зимнем семестре на его занятиях не было ни одного студента. Ср.: Rüdiger Safranski, *Schopenhauer and the Wild Years of Philosophy* Eng. trans. Ewald Osers (London, 1989).

⁵ Ср.: *Die Idee der deutschen Universität. Die fünf Grundschriften aus der Zeit der Neubegründung durch klassischen Idealismus und romantischen Realismus* [by F. W. J. Schelling, J. G. Fichte, F. D. E. Schleiermacher, H. Steffens and W. V. Humboldt], ed. Ernst Anrich (Darmstadt, 1956).

всеобъемлющей полемической критикой и идеалистической легитимацией университетской философии; но такой подход возможен в виде *институциональной истории*, которая изучает университеты в целом — и в этом смысле «извне» — и в то же самое время считает их центрами практики (практики преподавания и научной работы). Данная статья представляет собой попытку объяснения университетской философии XIX века при помощи такого подхода, рассматривающего *университет как институт*. То, что для Шопенгауэра и других было предметом гневного осуждения, будет подвергнуто изучению с более трезвой исторической точки зрения. В конечном итоге, этот подход также может способствовать пониманию того, каким образом университетская философия (в то время) определяла «внутреннюю» сторону, резко противопоставлявшуюся тем, кто находились «вовне».

Шопенгауэр и сам признавал, что университетская учеба была одним из возможных подходов к философии, тем самым впервые констатировав исторический факт огромного значения. Прояснить данное обстоятельство помогает сопоставление таких профессоров философии, как Иммануил Кант (читавший лекции до 1796 года в Кенигсберге) и Георг Вильгельм Фридрих Гегель (читавший лекции до 1831 года в Берлине): Кант преподавал различные предметы по учебникам, которые были написаны другими, и увековечил свою философию в книгах, которые никогда не составляли предмета или основы его преподавательской деятельности. Подобное разделение университетской и книжной форм философии характерно для XVIII века, но вскоре после Канта положение в корне изменилось. Уже Гегель, имевший свои соображения по всем разделам философии, обозначил смену акцента. Он написал всего лишь две книги (не считая компендиума для своей «Энциклопедии философских наук» и «Философии права»): «Феноменологию духа» (1807) как свое первое крупное сочинение и введение в собственную философию и «Науку логики» (1812–1816) как краткое изложение собственной мысли. Тот, кто, скажем, в 1825 году хотел познакомиться с другими темами философии Гегеля, должен был ходить на его лекции; изданы же они были только после его смерти, когда его ученики из рукописных заметок и записей студентов составили гегелевскую философию религии, эстетику, философию истории и историю философии. Подобная переоценка университетского преподавания служит отличительным признаком XIX века. В том, что касается статуса университетской философии, XIX век не стал простой антитезой XVIII веку, а ознаменовал собой существенный сдвиг — или, скорее, развитие — в преподавании философии в университетах, открывший еще одно *измерение* передачи философской мысли. И сегодня великие мыслители раскрываются наиболее полно и непосредственно в своих лекциях. В этом и состоит отличие философии от других дисциплин; в плане преподавания известный экономист-теоретик запросто может ограничиться передачей основных знаний, если этого требует учебный план и ожидают его студенты. Но преподаватель философии едва ли откажется выразить свою оригинальность, особенно при чтении университетских курсов.

Однако задача лекций по философии как средства распространения собственных взглядов философа или даже формирования навыков самостоятельного мышления у слушателей представляет собой лишь крайнее выраже-

ние стандартного процесса, который позволяет нам с XIX века говорить об *университетской философии*; потому что даже там, где меньше всего речь шла об оригинальности, лекция — как академическое средство передачи философских знаний — становилась первоочередным моментом в *овладении философским знанием*. В XIX веке всякому, кто интересовался философией, больше не нужно было корпеть над трудами великих философов, хотя именно это Шопенгауэр и — позднее — Эдуард фон Гартман считали верным способом, позволяющим прийти к самостоятельному мышлению, — достаточно было просто посещать лекции в университете. Если под термином *изучение философии* понимать интерес к старым и новым системам и мыслям, которые обычно называют философскими, то в XIX веке сложилась новая форма изучения философии.

Никто до сих пор не пытался проверить обоснованность полемических выпадов Шопенгауэра против университетской философии. И хотя попытка сделать современную критику темой исторического исследования рискует оказаться скучной и неинтересной, такое предприятие заслуживает, чтобы его довели до конца: Шопенгауэр, Ницше или даже Эдуард фон Гартман помешали осмыслению феномена университетской философии, сильнее других выступая против нее изнутри или извне. Пренебрежение теми сложностями, которые немецкая философия испытывала в процессе своей институционализации в университетах в XIX веке, не следует оправдывать сохраняющейся повсеместной нехваткой исторических исследований.

В основном термин «университетская философия» ниже будет использоваться в самом широком смысле, то есть в смысле *преподавания философии в университете*; соответственно, университетская практика передачи философских знаний и овладения ими будет называться *преподаванием* или *изучением философии*.

1. Преподавание философии

В XIX веке в Германии основными центрами *преподавания философии* были университеты, и только детальное изучение этих центров может обеспечить рамки, определяющие преподавание философии. Хотя в XIX веке число университетов в Германии было довольно велико — по сравнению с Францией, где до 1880-х годов существовали лишь изолированные и, как правило, небольшие факультеты, или Англией с тремя и Шотландией с четырьмя университетами, — это не означало, что в самом преподавании имели место значительные различия. В структурном отношении университеты были настолько похожи друг на друга, что есть все основания говорить о существовании в XIX века немецкого *университета* (в единственном числе). Где бы студент ни пожелал изучать философию, в материальном отношении и предъявлявшихся формальных требованиях не было столь разительного различия, как, например, во внешних условиях жизни, обусловленных размером города. Особый однородный институциональный характер немецких университетов выражался в административном устройстве, структуре факультетов и дисциплин, взаимоотношениях между профессорами и отношении профессоров к студентам. Именно этот институциональный характер влиял на преподавание вообще и на преподавание философии в частности.

Философский факультет

Выпускавшиеся университетами календари всегда рубрицировались по факультетам. В латинских *indices lectionum*, встречавшихся и во второй половине XIX века, обычно давался перечень университетских преподавателей в соответствии с занимаемыми ими должностями и читаемыми ими курсами, тогда как в немецких календарях, первоначально выпускавшихся вместе с латинскими, а затем и вовсе их вытеснивших, курсы перечислялись по темам, а рядом проставлялись имена преподавателей. Философский факультет всегда был местом сосредоточения профессоров и предметов, которые нельзя было отнести к правоведению, теологии или медицине. Точнее, если считать университет социальным центром преподавания философии, то философский факультет был полем профессиональной и дисциплинарной дифференциации, где и велось преподавание философии.

Как правило, во всех немецких университетах было четыре факультета: помимо философского факультета, существовали еще так называемые «высшие» факультеты — медицины, права и теологии. Такое устройство сохранялось веками, не изменилось оно и в XIX веке. Но то, что в начале века было важным и существенным принципом деления, к концу столетия превратилось в деление номинальное. Существование факультетов права, теологии и медицины по-прежнему отражало потребность общества в юристах, священниках и врачах, но превосходство этих факультетов над факультетом философии со временем было утрачено. Подготовительный характер учебы на «низшем» факультете больше не противопоставлялся профессиональному обучению на трех остальных, поскольку теперь государство требовало, чтобы преподаватели средней школы прошли курс обучения в университете. Помимо превращения в институт подготовки учителей, философский факультет обрел большую самостоятельность по отношению к трем остальным факультетам вследствие того, что обучение на нем стало «научным». *Профессионализация* университета в преподавании и исследовательской деятельности наряду со *специализацией* научных дисциплин сделали философский факультет наиболее крупным и значимым факультетом во второй половине XIX века. В этом можно убедиться, ознакомившись с показателями посещаемости для различных дисциплин (см.: Таблица 1).

Чтобы дать адекватную оценку преподавания философии на философском факультете, важно осмыслить процесс дифференциации, обусловивший значительное усиление позиций философского факультета, о котором свидетельствуют показатели посещаемости. Вслед за процессом дифференциации необходимо рассмотреть отдельные предметы, то есть преподававшиеся и изучавшиеся научные дисциплины, у которых были свои преподаватели и учебные планы. В результате быстрого роста числа дисциплин на философском факультете, в XX веке стало возможным проведение различия между естествознанием, гуманитарными и социальными науками, то есть всеми дисциплинами, известными нам и сегодня, включая физику, химию, историю, литературоведение, антропологию и социологию. На самом деле философия, именем которой был назван весь факультет, была на нем лишь одной дисциплиной среди многих других.

Таблица 1. Распределение (в процентном соотношении) студентов по факультетам (источник: Conrad)⁶

	юридический	медицинский	протестантской теологии	католической теологии	философский	итого
1831/32–1836	28,2	19,8	23,9	9,9	18,2	100
1836/37–1841	28,2	19,9	20,1	8,1	23,7	100
1841/42–1846	29,7	16,8	18,3	8,6	26,6	100
1846/47–1851	33,6	15,2	15,9	10,5	24,8	100
1851/52–1856	33,8	18,6	14,2	10,2	23,2	100
1856/57–1861	23,1	17,8	19,6	10,0	29,5	100
1861/62–1866	21,5	18,2	18,3	8,5	33,5	100
1866/67–1871	22,1	20,9	15,9	7,1	34,0	100
1871/72–1876	25,5	21,7	11,0	5,1	36,7	100
1876/77–1881	26,0	19,1	10,0	3,4	41,5	100

Но класть в основу истории дисциплин достигнутой ими в конечном итоге относительную самостоятельность было бы чересчур неосмотрительно и, особенно в случае университетской философии, нецелесообразно. Оглядываясь в прошлое, история каждой отдельной академической дисциплины кажется более или менее предопределенным процессом установления особых отношений между методами исследования и определениями предмета изучения: если в течение продолжительного времени определенный научный подход с успехом применялся к воспроизводимой совокупности проблем, то складывалась особая, отличная от других дисциплина. Последовательно развивая такое представление об истории науки, можно сделать вывод о том, что институт, включавший в себя несколько дисциплин, каким был философский факультет, в значительной степени представлял собой внешнюю — и, возможно, лишь административную — структуру. В соответствии с этой концепцией, кажется логичным, а исходя из соответствующего определения научности, и неизбежным, что в конце XIX века вследствие определенного роста *специализации* и *профессионализации* философский факультет подвергся реорганизации: во многих местах философские факультеты были разукрупнены или вовсе разделены на две части (сначала в 1864 году в Тюбингене и в 1873 году в Страсбурге) с целью обособления математи-

⁶ В основе использованных в данной работе цифровых данных лежат преимущественно статистические исследования Иоганна Конрада и Франца Эйленбурга: J. Conrad, 'Das Universitätsstudium in Deutschland während der letzten 50 Jahre. Statistische Untersuchungen unter besonderer Berücksichtigung Preussens', in *Sammlung nationalökonomischer und statistischer Abhandlungen des staatswissenschaftlichen Seminars zu Halle a. d. S.*, vol. III, part 2 (Jena, 1884) (далее: Conrad, 'Universitätsstudium'); J. Conrad, 'Allgemeine Statistik der deutschen Universitäten', in *Die Universitäten im Deutschen Reich*, 115–168 (далее: Conrad, 'Allgemeine Statistik'); J. Conrad, 'Einige Ergebnisse der deutschen Universitätsstatistik', in *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik* 3rd series; vol. 32 (Jena, 1906), (далее: Conrad, 'Ergebnisse'); F. Eulenburg, *Die Frequenz der deutschen Universitäten von ihrer Gründung bis zur Gegenwart* (Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der königlich-sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, vol. 24; Leipzig, 1904) (далее: Eulenburg, *Frequenz*). Уточненные цифровые данные по XIX веку также доступны в работе: *Datenhandbuch zur deutschen Bildungsgeschichte, vol. 1 (Das Hochschulstudium in Preußen und Deutschland 1820–1944)*, ed. Hartmut Titze et al. (Göttingen, 1987).

ки и естествознания, с одной стороны от философии, а с другой — от гуманитарных наук.⁷ И так, с точки зрения истории науки, превращение философии в научную дисциплину сопровождалось процессом (самостоятельного) выделения различных дисциплин и методов и, вообще говоря, было равносильно усугублению различий на самом философском факультете.

Такого рода «чистая» концепция истории науки бесполезна главным образом потому, что она не видит причин для объединения различных дисциплин на философском факультете и, следовательно, институционального характера научной и педагогической работы. Достаточно заметить, что показатели посещаемости, рассчитанные для философского факультета, *не могут быть далее дифференцированы по дисциплинам* (но см. ниже: Таблица 2). По крайней мере, в первой половине XIX века не существовало ни жесткого различия между названиями профессорских кафедр по дисциплинам (см. также ниже раздел: «Преподаватели»), ни даже регламентированного на основе учебного плана посещения курсов для студентов.

Точка зрения истории науки нуждается в соответствующем пересмотре с учетом истории институтов. В действительности, существование в XIX веке философского факультета, который играл роль исследовательского и преподавательского института во всех дисциплинах гуманитарных и естественных наук (позднее названных таковыми, то есть *Geisteswissenschaften* и *Naturwissenschaften*), свидетельствует о том, что, строго говоря, никакого развития *отдельных* дисциплин не было вовсе. Скорее, переплетение на философском факультете дисциплин, не дававших профессионального образования, стало причиной *специализации* и *профессионализации* каждой отдельной науки. В своих деловых отношениях с коллегами, студентами и в том, что касалось научной литературы, каждый профессор, в принципе, вправе был создавать новые курсы и привязывать свои новые увлечения к своей профессорской кафедре. И каждый министр, в принципе, вправе был назначать «экстраординарных» профессоров в новых областях знания, тем самым систематически и действенно внедряя в университете новшества прежде, чем происходило их признание в качестве новой самостоятельной области научных исследований. В этом смысле неизменную гибкость философского факультета и его внутреннюю институциональную открытость можно считать основной причиной дальнейшей специализации и профессионализации научной работы. Происходивший в первой половине XIX века процесс дифференциации необходимо рассматривать в свете количественного усиления философского факультета как такового изнутри за счет института и определяемой им практики. В конечном итоге, выделение отдельных дисциплин и в том числе философии следует считать итогом процесса научного развития, который происходил на *всем факультете* и который может быть понят только с учетом *синтеза* концепций, выработанных историей университетов и истории науки.⁸ С этой точки зрения, дифференциация предметных об-

⁷ Ср.: Conrad, 'Universitätsstudium', 173f.

⁸ О процессах внутренней и внешней дифференциации при создании дисциплин на примере физики см.: R. Stichweh, *Zur Entstehung des modernen Systems wissenschaftlicher Disziplinen. Physik in Deutschland 1740–1890* (Frankfurt am Main, 1984), 40ff.

ластей не равнозначна их действительному выделению, а предполагает плодотворные дискуссии между соответствующими их представителями и усиление дисциплин, поддерживаемых всеми и остающихся свободными.

Итак, если университетскую практику и переплетение в ней исследовательской деятельности и преподавания рассматривать с институциональной точки зрения, следует попытаться объяснить внутреннее саморазвитие философского факультета, поскольку только на этом фоне может быть понята дифференциация отдельных предметов. Но в случае философии имеется еще одна проблема. Приведенные ниже статистические процентные показатели говорят о том, что ее статус *на самом* философском факультете невозможно установить при помощи университетской статистики ни с точки зрения истории науки, ни с точки зрения истории институтов. На основании этих показателей (которые являются лишь проекцией, основанной на данных отдельных университетских календарей) можно сделать вывод о том, что в течение довольно долгого времени в естественных науках роста не наблюдалось, хотя затем он был заметным,⁹ а исторические и филологические дисциплины, включая философию, хотя и испытали относительной спад между 1836 и 1881 годом, все же составляли более 50% от преподававшихся предметов.¹⁰

Таблица 2. Распределение студентов на философском факультете (приблизительные подсчеты, источник: Conrad)

	Философские, филологические и исторические дисциплины		Естествознание и математика		Фармация и экономика		Общее число обучающихся	
1836–1845	1797	58,9%	290	9,3%	964	31,8%	3051	100%
1846–1856	1686	56,1%	532	17,7%	788	26,2%	3006	100%
1856–1866	2334	58,9%	511	12,9%	1119	28,2%	3964	100%
1866–1876	3412	64,0%	1034	19,4%	885	16,6%	5331	100%
1876–1881	4310	53,1%	2540	31,3%	1257	15,6%	8107	100%

Не нужно забывать, что за этими приблизительными подсчетами — даже там, где наблюдается тенденция к понижению — стоит реальный количественный рост: в группе философских, исторических и филологических дисциплин современные языки и литературоведение переживали сильнейший рост, а это значит, что даже в конце XIX века на философском факультете студенты-гуманитарии составляли более половины от общего числа обучающихся на нем.¹¹ Философия в это время входила в состав гуманитарных наук (*Geisteswissenschaften*).

⁹ Также имеются данные о росте интереса к естествознанию за пределами университетов, особенно если учитывать «политехникумы», в которых в 1869 году обучалось 17% всех студентов; ср.: Conrad, 'Universitätsstudium', 137 è Eulenburg, *Frequenz*, 259; позднее политехникумы получили права высших учебных заведений и стали называться техническими университетами; ср.: H. W. Prahl and I. Schmidt-Harzbach, *Die Universität. Eine Kultur- und Sozialgeschichte* (1981), 105.

¹⁰ Ср.: Conrad, 'Universitätsstudium', 137.

¹¹ Ср.: Conrad, 'Universitätsstudium', 141; в другом месте Конрад отмечает, что соотношение между гуманитарными и естественными науками выровнялось; ср.: Conrad, 'Ergebnisse', 467f.

Однако такая точка зрения не позволяет оценить действительную роль курсов по философии на философском факультете; вышеупомянутая дифференциация в процентном соотношении (Табл. 2) уже искажена перспективой истории науки. На основании самих университетских календарей можно сделать вывод о том, что положение философии не позволяет ни просто противопоставлять ее естествознанию, ни устанавливать простую взаимосвязь с гуманитарными науками. В учебном плане философского факультета курсы по философии обычно стоят на *первом* месте, и даже если, как иногда случалось во второй половине столетия, курсы филологии и истории указывались отдельно от курсов по математике и естествознанию, они не лишались от этого своего относительно более высокого положения. Таким образом, в случае курсов по философии мы едва ли имеем дело с каким-то отдельным предметом. Если, как в этой статье, мы стремимся *избежать* предоставления окончательных определений и обоснований роли философии, недостатка в которых в XIX веке не было, и просто описываем преподавание философии как исторический факт, раскрывая тем самым структуру его практики, то лишь более глубокое исследование заявленных курсов позволит оценить особое место курсов по философии. Нет никаких сомнений в том, что на философском факультете существовало нечто вроде «дисциплины философии». Но, по крайней мере в XIX веке, процесс развития науки, по видимому, не вступал в противоречие с поддержанием некоего иерархического порядка дисциплин.

Таким образом, изучение университетских календарей на предмет курсов по философии существенно изменяет общую картину немецкого университета в XIX веке, которую рисуют обычные история университетов и университетская статистика; или, точнее, самое первое следствие изучения университетских календарей состоит в том, чтобы поставить под вопрос включение философии в качестве дисциплины, преподаваемой на философском факультете, в общую картину немецкого университета и его историю в XIX столетии. Тенденция в количестве курсов по философии показывает, что университетская философия не укрепила своих позиций одновременно со значительным увеличением числа студентов в конце XIX века и расширением самих университетов. Если подобную аномалию рассматривать как утрату философией своих позиций в университете, делая тем самым вывод о том, что она стала лишь одной дисциплиной среди многих других, то внимательное изучение университетской статистики (Табл. 1 и 2) показывает, что такое объяснение — это не более чем гипотеза и что тенденция в количестве курсов по философии не может дать никакой точной информации о положении «дисциплины философии» на философском факультете. Таким образом, необходимо вынести критическое суждение: даже если описание немецкого университета в качестве политико-правового и социального института, отражавшего единство научно-исследовательской и преподавательской деятельности, вызывает возражения, до сих пор имеется крайне мало исследований, посвященных взаимоотношениям между дисциплинами, по крайней мере для XIX века. Вообще говоря, практика преподавания, то есть формы передачи знания и овладения им, еще не стала предметом исторического исследования. В случае философии нижеследующее исследование

является попыткой предоставить читателю соответствующие данные, которые помогут построить историю ее преподавания, а также неизбежно приведут к пониманию особого положения философии как дисциплины. Поэтому изучение университетских календарей имеет важнейшее значение для точного описания университетской философии; и не только потому, что тот или иной философ был также университетским профессором. В то же самое время положение «дисциплины философии» выражалось в преподавании и как преподавание и таким образом передавалось «вовне». Следует помнить, что первоначальный интерес к философии вряд ли можно было удовлетворить чем-то иным, кроме посещения университетских курсов.

Преподаватели философии

Истории университетов столь же мало говорят об университетских преподавателях, которые играли роль посредников в деле преподавания философии, как и о студентах, которые выступали в роли адресатов этого преподавания. Структура немецких университетов, безусловно, обнаруживает свои особенные черты: несомненно, одним из важных факторов в стандартизации практики преподавания философии была *мобильность* университетских преподавателей. На местах профессорско-преподавательский состав университета постоянно перетасовывался в результате политики назначений, проводимой различными правителями, что позволяло избежать регионализации в ходе формирования дисциплин. Для самих профессоров возможность ведения профессиональной научной деятельности зачастую была равнозначна смене университета. В отличие от других европейских стран, немецкие университеты образовывали единство, особенно в этом отношении, именно благодаря постоянному обмену профессорами (и студентами).¹²

Для университетских преподавателей смена места работы почти всегда была связана с карьерными соображениями; самой распространенной причиной для перехода в другой университет было продвижение по службе (переход с должности приват-доцента на должность «экстраординарного» профессора или с должности «экстраординарного» профессора на должность «ординарного» профессора). Свою роль играли также повышение жалованья и престижа. Темп продвижения по службе во многом зависел от сложившихся на то время обстоятельств, причем ординарным профессором можно было стать далеко не всегда. В философии наблюдался рост числа приват-доцентов, особенно заметный в немецких университетах во второй половине XIX века; но в целом число преподавателей философии почти не

¹² F. Paulsen, 'Die deutsche Universität als Unterrichtsanstalt und als Werkstätte wissenschaftlicher Forschung' (1894), in *Gesammelte pädagogische Abhandlungen*, ed. Eduard Spranger (Stuttgart, 1912), p. 561: «В целом, немецкие университеты образуют замкнутый снаружи и сплоченный изнутри мир; в нем постоянно происходит смена студентов и преподавателей... Такое явление чуждо иностранным университетам, особенно построенным по английскому образцу». Во Франции, например, парижские и провинциальные высшие учебные заведения разделяла огромная пропасть; ср.: V. Karady, 'Lettres et sciences – Effets de structure dans la sélection et la carrière des professeurs de faculté (1810–1914)', in *Le personnel de l'enseignement en France au XIXe et XXe siècles*, ed. Christoph Chartre and Régine Ferré (Paris, 1985), esp. 33ff.

изменилось (см.: Табл. 3). Как можно заметить из числа курсов по философии, университетская философия в XIX веке в количественном отношении не укрепила своих позиций: быстрый рост числа преподавателей с 1870-х годов — одновременно с ростом числа студентов — обошел философию стороной. Сопоставимый рост начался лишь в XX веке и был менее выраженным.¹³

Таблица 3. Количество курсов и преподавателей философии (1820—1880 гг.)

<i>Зимний семестр</i>	<i>Количество курсов</i>	<i>Количество преподавателей</i>	<i>Количество курсов на преподавателя</i>
1820	145	74	2,0
1825	179	83	2,2
1830	207	98	2,1
1835	198	101	2,0
1840	194	91	2,1
1845	223	106	2,1
1850	214	106	2,0
1855	195	98	2,0
1860	191	93	2,1
1865	173	85	2,0
1870	159	80	2,0
1875	175	79	2,2
1880	162	83	2,0

Однако профессионализацию философии следует искать за этими цифрами; по-видимому, преподаванием философии в XIX веке все чаще занимались только те преподаватели, которые имели ученую степень «по предмету» и которые не претендовали или не собирались претендовать на преподавание и других дисциплин. Во всяком случае, очевидно, что в первой половине столетия такая «предметная ориентация» была менее выраженной.

Помимо возникшей недавно группы приват-доцентов, которые исключительно благодаря специализированной профессиональной подготовке становились кандидатами на университетские должности,¹⁴ также следует изучить судьбу тех, кто получили высшее философское образование, но потом не остались в университете. В отличие от Франции, итогом изучения философии в Германии было не получение профессии, а всего лишь овладение некой научной специализацией, которая, в свою очередь, должна была удовлетворять нигде специально не прописанным дополнительным требованиям, чтобы в качестве вознаграждения можно было получить должность в университете.

Даже если бы можно было дать более точное описание университетской философии с точки зрения роста профессионализации преподавателей и усиления специализации учебы, оценка положения этой дисциплины на фи-

¹³ Ср., в частности: Christian von Ferber, *Die Entwicklung des Lehrkörpers der deutschen Universitäten und Hochschulen 1864–1954* (Untersuchungen zur Lage der deutschen Hochschullehrer, vol. III, ed. Helmuth Plessner; Göttingen, 1956).

¹⁴ Ср.: Alexander Busch, *Die Geschichte des Privatdozenten. Eine soziologische Studie zur großbetrieblichen Entwicklung der deutschen Universitäten* (Stuttgart, 1959).

лософском факультете оставалась бы трудной задачей, поскольку роль преподавания философии и функция преподавателей философии во второй половине столетия, когда начался своего рода университетский «бум» и произошла значительная «предметная специализация», по-прежнему неясна.

Вообще, с точки зрения практики преподавания, наплыв студентов, усилившийся во второй половине столетия, как бы компенсировался ростом числа преподавателей. Соотношение числа студентов и преподавателей на философском факультете оставалось неизменным вплоть до 1900 года, когда величина этой пропорции подскочила до 10 и выше, тогда как прежний показатель колебался между 4,5 и 8,7.¹⁵ Данные цифры, полученные из университетской статистики, рассчитаны по спискам учащихся и платежным ведомостям, и им едва ли удастся пролить свет на реальность университетского преподавания. Но они поднимают вопросы, связанные с одновременным отсутствием изменений в численности преподавателей философии и сокращением соотношения числа студентов и преподавателей, которое, по крайней мере статистически, может быть выведено из них: стало ли преподавание философии во второй половине XIX века менее значимым, менее уважаемым и менее востребованным? Признаки того, что репутация философии пострадала,¹⁶ действительно имеются, и ничто не говорит о том, что курсы по философии были забиты новыми студентами, всеми силами стремившимися попасть в университеты немецкого государства.

Тот факт, что в XIX веке университетская философия, в отличие от остальных предметов, была или стала самостоятельной дисциплиной, подтверждается, среди прочего, сохранявшейся на протяжении всего столетия *экзаменационной значимостью* отдельных курсов по философии для студентов других специальностей. Профессора философии принимали экзамены по философии во всем университете. Но роль философии в качестве экзаменационного предмета для врачей, юристов и теологов в XIX веке не была существенной, и, как правило, все дело ограничивалось преподаванием основ логики, психологии и истории философии. Подводя итог этому сложному положению, можно сказать, что во второй половине столетия на высших факультетах подобная деятельность прекратилась почти полностью, но в то же самое время философия была включена в подготовку учителей: кандидаты на учительские должности в гимназии должны были сдать так называемый «*philosophicum*» (экзамен по философии), включавший, помимо проверки основных знаний по философии, тщательное прочтение классических философских текстов.¹⁷ В 1887 году Эмиль Дюркгейм критически заметил, что посещаемость курсов по филосо-

¹⁵ Точные данные см.: Conrad, 'Ergebnisse', 476f.

¹⁶ Например, Мориц Браш, журналист и критик немецкой философии, писал, что на философском факультете философию больше терпели, чем ценили; ср.: *Die Fakultätenfrage und die Stellung der Philosophie an den deutschen Universitäten* (Leipzig, 1895), 16.

¹⁷ Об истории экзаменационных требований см.: Н. Kern 'Philosophische Propädeutik' in Karl Adolph Schmid (ed.), *Enzyklopädie des gesamten Erziehungs- und Unterrichtswesens, bearbeitet von einer Anzahl Schulmänner und Gelehrten*, vol. VI (Gotha, 1867; Leipzig², 1886); Ernst Bratuscheck, 'Die Philosophie als obligatorischer Gegenstand der Schulamtsprüfung', *Philosophische Monatshefte* 10 (1874); M. Brasch, *Wie studiert man Philosophie? Ein Wegweiser für Studierende aller Fakultäten* (Leipzig, 1909), 29–44; Max Apel, *Wie studiert man Philosophie? Eine Anleitung zum Studium und zum Selbststudium der Philosophie, zugleich eine Einführung in die philosophischen Probleme* (Stuttgart, 1911), 127ff.

фии в немецких университетах была обусловлена в основном заботой о подготовке к экзаменам; он даже утверждал, что философии удалось сохраниться в качестве университетской дисциплины только благодаря экзаменам.¹⁸

Конечно, университетские преподаватели философии никогда не считали себя просто экзаменаторами, и довольно значительный масштаб преподавания философии, намного превышавший потребность в подготовке будущих поколений университетских преподавателей, в действительности никогда не обосновывался одними лишь соображениями экзаменационной значимости основных философских знаний. Поэтому значение курсов по философии в конце XIX века, засвидетельствованное — как в качественном, так и в количественном отношении — в университетских календарях, кажется поразительным. Не менее поразительна и независимость университетских преподавателей философии, независимость, которая, с точки зрения англичанина или француза, казалась удивительной и которую необходимо учитывать при изучении университетских календарей: никаких учебных планов, предписывавших преподавателям философии тематику, глубину или даже содержание читаемых ими курсов, попросту не существовало. В немецких университетах XIX века преподаватели философии преподавали так, как им хотелось, тем более что ни наказов со стороны государства, ни вмешательства со стороны церкви (за исключением немногочисленных конфликтов) не было;¹⁹ преподаватели также были избавлены от какого-то особенного давления со стороны студентов, поступивших в университет, не имея предварительной философской подготовки.

Несмотря на множество двусмысленностей, связанных с положением философии в университете и задачами преподавателей философии, преподавание философии в немецких университетах можно считать вполне устойчивой практикой, что будет показано ниже при рассмотрении университетских календарей.

2. Преподавание философии: предметы

Деятельность немецких преподавателей философии — в том, что касается их собственных представлений о философии в узком смысле слова, — так же различалась, как и их интересы и способности, тогда как все то, что они пре-

¹⁸ Emile Durkheim, 'La Philosophie dans les universités allemandes', *Revue internationale de l'enseignement* 13 (1887), 438.

¹⁹ После посещения Парижа профессор Кильского университета Густав Таулов рассказывал о беседе с Виктором Кузеном, во время которой последний был поражен свободой немецких профессоров в церковных и религиозных вопросах; ср.: Thaulow, *Wie man in Frankreich mit der deutschen Philosophie umgeht. Ein Sendschreiben an J. Barthélemy-Saint-Hilaire* (Kiel, 1852), 19ff. Не написано еще ни одной истории споров в Германии между «государственным учреждением» университета и церквями; о Франции см., напр.: Paul Gerbod, 'La Condition universitaire en France au XIXe siècle. Etude d'un groupe socio-professionnel' (Thèse, University of Paris-Sorbonne 1965). В этой связи должны быть изучены выдвигавшиеся в середине столетия обвинения в «пантеизме» (жертвой которых стал, например, Куно Фишер) и ряд других событий. Фридрих Паульсен всегда горячо отстаивал «свободу философии в лектории», что служит свидетельством существования реальной угрозы; ср.: Friedrich Paulsen, 'Die Freiheit des philosophischen Hörsaals'; 'Die Akademische Lehrfreiheit und ihre Grenzen', in *Gesammelte pädagogische Abhandlungen*.

подавали под видом философии, было удивительно единообразным. На протяжении всего XIX столетия существовал своего рода консенсус относительно того, что следовало преподавать студентам в качестве философии и какие подразделы дисциплины были допустимы. Речь, конечно же, идет не о консенсусе с точки зрения содержания, которое можно было подытожить в одном единственном определении философии — вовсе нет! Скорее, этот консенсус принимал вид согласия относительно форм и устройства философии как учебного предмета. Исходя из точно установленных и проверяемых данных, можно говорить о том, что с самого начала и до самого конца столетия календари всех немецких университетов обнаруживают неизменное распределение предметов, преподававшихся философами. Во всех случаях курсы преподавателей философии (т. е. «ординарных» и «экстраординарных» профессоров, а также приват-доцентов) выказывают столь явное и постоянное распределение, что можно говорить о существовании *предметного канона*. Нижеследующая попытка описания этого философского канона способна придать конкретную форму тому, что можно назвать университетской философией XIX века.

Предметный канон университетской философии

Более четырех пятых курсов по философии в период с 1810 по 1880 год можно подразделить на девять категорий, причем две трети этих курсов подпадают лишь под пять типов, а именно — лекции по «энциклопедии», «логике», «психологии» или «антропологии», «морали» или «философии права», а также по «истории философии». Помимо этих пяти основных предметов, которых ни в одном университете не мог избежать ни один студент, пожелавший изучать философию, существовало еще три типа курсов, которые читались не столь часто и не всегда одними только преподавателями философии, а именно — лекции по «педагогике», «эстетике» и «философии религии». Наконец, к предметному канону также относились курсы, посвященные отдельным философам или философским работам, количество которых особенно заметно стало расти с середины столетия, причем проводились они не в форме лекций, а в форме «упражнений», то есть того, что в Германии ныне принято называть «семинарскими курсами» (об описании понятия «семинар» в XIX веке см. третий раздел данной статьи). По-видимому, эти семинарские курсы, в конечном счете, заменили собой такие неопределенные формы, как «философские общества» и «классные беседы», все еще встречавшиеся в первой половине столетия. Если уже сейчас можно установить, что девять предметов канона университетской философии составляли четыре пятых курсов, перечисленных в университетских календарях,²⁰ тогда возникает необходи-

²⁰ К канону можно отнести от 83 до 97% всех курсов. Степень, в которой канон был представлен, варьировалась в зависимости от университета (на основе данных за пятилетние интервалы с 1810—1811 по 1880—1881 год) и составляла:

Берлин 91,9%	Грейфсвальд 95,4%	Лейпциг 90,4%
Бонн 89,9%	Галле 92,2%	Марбург 88,9%
Бреслау 86,7%	Гейдельберг 86,6%	Мюнхен 96,0%
Эрланген 94,1%	Йена 90,1%	Росток 83,0%

мость не в классификации *post factum*, которая в определенной степени является интерпретативной, а в простом признании того обстоятельства, что названия, используемые при заявлении этих курсов по философии, сами отражают такую классификацию.

Организация философии в канон — это факт преподавания философии; канон вводился в практику преподавания семестр за семестром и определял форму, позволявшую преподавателю философии и студенту заниматься рассмотрением и обсуждением философских проблем. Но непрерывность канона не следует путать с постоянным повторением. Как показывают университетские календари, для этого половина всех университетов не была в достаточной степени укомплектована профессорско-преподавательским составом: этого нельзя было сделать в условиях, когда зачастую в университете читалось менее девяти курсов. Даже календари тех университетов, в которых в течение семестра проходило десять или более курсов по философии, показывают, что иногда даже по основным предметам (энциклопедии, логике, психологии, морали и истории философии) тот или иной курс попросту выпадал. Последовательное внедрение канона семестр за семестром на практике означало, что в течение полутора лет (трех семестров) ни одна из указанных категорий не выпускалась. Когда в университетах количество курсов по философии было «небольшим», профессора часто меняли предметы или сочетали их друг с другом (широко распространена была модель «энциклопедия и логика», тогда как лекции, наподобие «психологии и логики» встречались нечасто — очень редко в Берлине и Гейдельберге, а на постоянной основе читались только в Йене и Гессене); в университетах с «большим» количеством курсов по философии разделение труда открыло перед преподавателями возможность определенной специализации, хотя, по-видимому, происходило это лишь путем исключения: университетские календари часто не предлагали студентам большого числа одинаковых предметов.

Можно утверждать, что причины постоянства канона на протяжении XIX века не были одними и теми же во всех случаях и что за одинаковыми названиями курсов скрывалось различное содержание. Вполне возможно (и любой, кто знаком с философскими школами и тенденциями в XIX веке, должен принять во внимание такую гипотезу), что идеи и толкования, предлагавшиеся гегельянцами своим студентам, сильно отличались от идей и толкований их коллег, которые могли быть гербартианцами или неокантианцами, так что, учитывая сходство курсов (например, лекций по «психологии»), читавшихся ими, философские интересы полностью выпускаются из виду. Сейчас же необходимо согласиться со следующим аргументом: исследование университетских календарей не способствует пониманию подобных различий философской ориентации, хотя вполне может привести к проблематизации уровня или среды таких диспутов. То обстоятельство, что различия между философскими школами не противоречили единообразию

Фрейбург 97,4%

Киль 91,0%

Тюбинген 93,1%

Гессен 90,1%

Кенигсберг 87,5%

Вюрцбург 84,4%

Геттинген 92,0%

Итого: в среднем к канону относилось 90% курсов (в абсолютных числах: 2. 358 из 2. 606).

преподавания определенных предметов в философии, само по себе указывает на общее, неоспоримое измерение опосредования философии в ходе ее преподавания.

Поэтому вопрос о том, почему канон составлялся именно так, а не иначе, то есть, точнее, почему тот или иной предмет был неотъемлемой составляющей преподавания философии в XIX веке, не является излишним, хотя никакого философского ответа в этом отношении ожидать невозможно. Философских обоснований необходимости и важности отдельных предметов имеется великое множество, и, возможно, у каждой из рассматриваемых школ были свои особые мотивы и причины. В сущности, апологетический характер таких утверждений о «предмете философии», то есть тот факт, что они (обязательно) предполагают существование предметного канона или что они не влекли за собой его преобразования, делает их бесполезными на уровне изучения университетских календарей. Хотя определенный интерес — иногда даже философский интерес в собственном смысле слова — всегда будет соответствовать представлениям философов о собственной дисциплине, из этого нельзя выводить какого бы то ни было обоснования существования философского канона, который в XIX веке, по-видимому, определял преподавание всех приблизительно сорока тысяч курсов по философии. Более того, в отношении канона речь должна идти не о его обосновании, а лишь о как можно более точном описании самого факта его существования. Пытаясь дать такое описание, важно изучить каждый философский предмет в отдельности, особенно в тех случаях, когда происходила смена акцента в каноне.

На эмпирическом уровне, то есть на уровне практики обучения, университетская философия до сих пор не получила должного исторического обоснования или осмысления. Скорее, все дело в том, что философские и педагогические доводы в пользу разделения философии на предметы на основании их собственной «идеи» или «сущности» университета не имеют отношения к практическому уровню и, как правило, выходят далеко за его пределы.

<...> Подводя предварительные итоги, можно с уверенностью говорить о том, что предметный канон философии определялся университетской философией как академической дисциплиной, которая, конечно же, была связана с другими дисциплинами, хотя такие отношения вовсе не оставались неизменными. Университетские календари показывают, во-первых, что существовала определенная группа лекционных курсов, регулярно читавшихся философами в течение долгого времени, и, во-вторых, что некоторые из этих курсов, например по философии права, педагогике, философии религии и эстетике, пересекались с другими дисциплинами или даже другими факультетами либо могли быть отнесены к этим дисциплинам или факультетам. Что касается остальных лекционных курсов, например по энциклопедии и логике, то можно предположить, что им не удалось сохранить свой первоначальный статус, так как они лишились своих пропедевтических функций и в значительной степени вошли в состав особых отраслей знания. Подобное развитие повлекло за собой перемены в предметном каноне, который несмотря ни на что продолжал существовать; только в исключительных

случаях, как в ситуации с лекциями по философии права и по этике, подобные перемены приводили к тому, что тот или иной предмет становился более или менее значимым. Одно только осознание этого предполагает исправление ныне существующих представлений. Когда говорят, что на философском факультете в течение XIX века философия превратилась в одну дисциплину среди множества других, подобная интерпретация не может основываться на совокупности заявленных лекционных курсов, но подтвердиться она может лишь при помощи дополнительных предположений.

Но была одна область, в которой в течение XIX века произошло кардинальное изменение количества лекций по философии. Рост числа лекций по истории философии и семинарских курсов по отдельным философам в период с 1810 по 1880 год был настолько заметным, что его можно считать переменной, действительно повлиявшей на характер философии как дисциплины. Более важным, чем все — никогда не бывающие четкими или окончательными — разграничения, существовавшие в XIX веке между философией и остальными предметами или дисциплинами, по-видимому, было усиление интереса к ее «собственной» истории, что позволяло вполне обоснованно говорить о философии как о самостоятельной дисциплине. Во всяком случае, *историзация преподавания философии* заслуживает обстоятельного изучения, поскольку имеется простое и убедительное статистическое подтверждение того, что университетскую философию в Германии XIX века невозможно объяснить одним лишь постоянством предметного канона, поскольку одновременно происходило постепенное и непрерывное освобождение исторического подхода от определенного систематического самосознания.

3. Историзация преподавания философии

Если постоянство предметного канона философии считать исходным фактом, отражавшим состояние университетской философии в XIX веке, тогда необходимо признать, что изучение университетских календарей обнаруживает еще один факт; факт не единообразия и непрерывности, а изменения или развития. На протяжении всего XIX столетия шел непрерывный процесс увеличения числа курсов по истории философии. При рассмотрении двадцатилетних циклов изменение значимости этих курсов становится очевидным: их доля резко возрастает примерно с 9% в зимнем семестре 1820/21 годов до 16 и 23% в семестрах 1840/41 и 1860/61 годов соответственно и впоследствии составляет почти четвертую часть всех читаемых лекций. Одновременно наблюдался рост числа семинарских курсов, посвященных отдельным философам (или отдельным работам) с отметки, составившей до 1850 года менее 11%, до более 21%, начиная с 1870-х годов.

Рост числа лекций и семинарских курсов по истории философии

Рост числа лекций и семинарских курсов по истории философии от *общего* числа, составлявшего в 1830-х годах *менее 20%*, до *общего* числа почти в 50% в конце столетия — факт, который только на первый взгляд объясняется внутренними переменами в каноне. Хотя, по крайней мере в рассматриваемый

период, ни одного нового «канонического предмета» так и не появилось, относительное равновесие различных курсов было нарушено столь основательно, что в целом канон утратил свое значение. В результате, с 1920-х годов, если не раньше, университетские календари перестали отражать определенную предметную направленность в философии.

Лекции по «Истории философии» или «Истории античной/новой/современной философии». Лекции по истории философии входили в состав канона в начале XIX века, то есть они относились к тем основным предметам, курсы по которым читались наиболее часто и регулярно. Однако, в отличие, к примеру, от лекций по логике и энциклопедии, это был совершенно новый тип лекций. В XVIII веке история философии не была самостоятельным предметом; знания по истории философии были в лучшем случае дополнением к систематически ориентированному преподаванию. В качестве типичного примера можно привести название широко использовавшегося энциклопедического компендиума профессора Георга Генриха Федера из Гёттингена: *Grundriß der Philosophischen Wissenschaften nebst der nötigen Geschichte, zum Gebrauche seiner Zuhörer herausgegeben* (Coburg, 1767, 1769 – 2-е изд.). Спустя каких-нибудь двадцать лет от маргинального положения прошлого философии не осталось и следа. Незадолго до начала XIX века в Германии сложился новый тип изучения истории, проявившийся в первых крупных работах, содержащих повествовательное изложение истории философии. Вскоре эти работы стали использоваться при чтении лекционных курсов. Историк философии Теннеманн и его читатель Гегель одними из первых сделали историю философии предметом специальных лекций. Опубликованное в 1812 году руководство Теннеманна (*Grundriß der Geschichte der Philosophie*) стало популярным учебником, в сжатой форме знакомившим студентов с исторической концепцией философии, концепцией, намного более обстоятельно изложенной тем же автором в другой работе, объем которой составил более 5000 страниц.²¹ В Германии написание историй философии не прекращалось на всем протяжении XIX столетия, а вскоре вслед за руководством Теннеманна стали выходить и другие,²² причем большинство авторов этих историй были университетскими преподавателями философии, поэтому вряд ли может вызывать удивление то обстоятельство, что количество лекций по этому предмету выросло.

Повсеместное распространение и глубина феномена этой «историзации» также отражает проблематичный характер всякого объяснения, основанного исключительно на истории формирования философских теорий, хотя историки философии могут указать на серьезное влияние философии Гегеля, в которой интерес к истории философии имел большое значение. Такое объяснение применимо и к некоторым университетам, например к университету в Галле, где в период с 1836 по 1861 год преподаванием истории философии занимались трое гегельянцев: Юлиус Шаллер, Эдуард Эрдманн и Герман

²¹ Wilhelm Gottlieb Tennemann, *Geschichte der Philosophie* (11 vols.; Leipzig, 1798–1819); *Grundriß der Geschichte der Philosophie* (Marburg, 1812,² 1816,³ 1820,⁴ 1824,⁵ 1829).

²² См.: Ulrich Johannes Schneider, 'A Bibliography of Nineteenth-Century Histories of Philosophy in German, English and French', *History to Historiography* 21 (1992), 141–69.

Гинрихс. Даже критики гегельянства впоследствии признавали определенную продуктивность этой школы в области истории философии.²³ Но подобное объяснение с точки зрения интеллектуальной истории или истории философии подходит только к определенному периоду времени, и с его помощью невозможно объяснить, почему с ослаблением гегельянства количество лекций по истории философии не сократилось. Кроме того, еще раньше в Галле Иоганн Готфрид Грубер, а позднее и Рудольф Гайм, преподавали историю философии с негегельянских позиций.

Ни рост интереса к историческим исследованиям в XIX веке, ни определенный философский интерес к самой истории философии не были непосредственной причиной преподавания философии, хотя нет никаких сомнений в том, что рост количества лекций по философии был с ними связан. Скорее, особое положение исторических знаний в преподавании философии было обусловлено именно педагогическими причинами, понимаемыми в самом широком смысле. Это особое положение основывалось на использовании исторических знаний при чтении вводных курсов по философии. Незадолго до создания берлинского университета в 1808 году Фридрих Николаи в своей речи потребовал начинать преподавание философии в университете с исторического введения, чтобы на основе таких знаний лучше можно было понять систематическое объяснение философии.²⁴ Споры о том, целесообразно ли делать историю философии введением в изучение философии, продолжались и сто лет спустя, хотя *Geschichte der Philosophie als Einleitungswissenschaft* прочно укрепила свои позиции.²⁵ В 1865 году лекции по истории философии в календаре берлинского университета возглавили перечень лекций по философии: таким образом, получивший широкое распространение метод постижения философии через изучение ее истории также преподносился студентам в качестве наиболее прямого пути к означенной цели.

Неоднократно высказывавшиеся в XIX веке замечания относительно того, что история философии вызывала у студентов замешательство, поскольку она не могла привести их к сколько-нибудь определенной точке зрения, видимо, несколько не мешали дальнейшему развитию. История философии стала важнейшим средством постижения философии, причем в какой-то степени такое развитие событий можно считать симптоматичным. Изучение философии все чаще становилось изучением истории философии. Очевидно, что замешательства от изучения истории философии вполне можно

²³ Гинрихс преподавал как «ординарный» профессор в Галле с 1824 по 1861 год, Шаллер с 1834 по 1867 год (сначала как приват-доцент, с 1838 года как «экстраординарный» профессор, а с 1861 года как «ординарный профессор»), Эрдманн с 1836 года (как «экстраординарный» профессор, с 1839 года как «ординарный» профессор) по 1880 год. Вильгельм Шрадер писал об Эрдманне (Wilhelm Schrader, *Geschichte der Friedrichs-Universität zu Halle*, vol. II [Berlin, 1894], 180): «попытки представить историческое развитие в том или ином виде, предпринимавшихся старшими гегельянцами», были наиболее обоснованными в истории философии.

²⁴ См.: F. Nicolai, 'Betrachtungen über die Frage, wie der mündliche Vortrag der Philosophie auf Universitäten eingerichtet werden sollte, um gemeinnütziger zu werden. Zwei Vorlesungen', *Philosophische Abhandlungen*, 2 ([Berlin and Stettin] 1808), 185f.

²⁵ См.: Albert Peip, *Die Geschichte der Philosophie als Einleitungswissenschaft, Eine Antrittsvorlesung* (Göttingen, 1863); M. Brasch, *Wie studiert man Philosophie?*

было избежать. Возможно, оно оказало даже успокаивающее воздействие, поскольку, вообще говоря, изучение огромного множества школ классической философии вызывало у студентов меньшее недоумение, нежели попытка постичь противоречивые взгляды самих профессоров. В области же философского прошлого преподаватели и студенты могли дистанцироваться от требований настоящего. Для университетских преподавателей удивительная «беспристрастность», которой можно только восхищаться у некоторых историков философии,²⁶ была столь же заманчивой и привлекательной, как и удивительная пристрастность. Изложение исторических знаний создавало ощущение безопасности. В преподавании, которое ставило своей целью преподнесение знаний в четко выверенной и – по необходимости – верифицируемой форме, первостепенное значение имел латентный позитивизм исторических лекций, проявлявшийся в философии ничуть не меньше, чем в остальных гуманитарных науках.

Однако отчетливый акцент на вводной функции лекций по истории философии не объясняет всей масштабности роста числа этих лекций. Этот также был следствием огромного многообразия этих лекций. Помимо общих лекций по истории философии, которые один и тот же профессор мог читать на протяжении одного, двух или трех семестров, регулярными были лекции лишь по «античной» или «греческой» философии, по истории философии Нового времени, начиная с Декарта или с Бэкона, и по истории «новой» или «современной» философии, почти всегда начинавшейся с Канта. Лекции по определенным предметам, например по истории морали или истории философии религии, встречались редко.

Результатом исследовательской работы стали повсеместное распространение единой классификации и дробление историко-философского знания, а доступность соответствующих учебников и изданий классиков философии позволила профессорам и студентам больше узнать о прошлом философии. Быстрое распространение историко-философских знаний вызвало расширение преподаваемого предмета и усиление «историзации» университетского преподавания философии. Намного более заметным, чем в лекциях, где специализация на самом деле была незначительной, подобное усиление было в курсах иного рода. Таким образом, преобладание интереса к истории проявлялось не только в постоянном и непрерывном росте числа лекций по истории философии, но и в появлении курсов, в основе которых лежали иные формы преподавания, нежели чтение лекций.

Курсы, посвященные одному или нескольким философам, а также «упражнения», «философские общества», «исследования» и т. д. Проявлением распространенной в XIX веке тенденции к преподаванию философии с исторических позиций стало создание более открытых курсов наподобие «классных бесед», «уп-

²⁶ Гадамер писал о знаменитой работе Эдуарда Целлера «Очерк истории греческой философии», что «в некоторых случаях при сочетании идеала беспристрастной всеобщности с учебными знаниями возникает нечто монументальное»; см.: H.-G. Gadamer, 'Eduard Zeller. Der Weg eines Liberalen von der Theologie zur Philosophie', in W. Doerr (ed.), *Semper Apertus, sechshundert Jahre Ruprecht-Karls Universität Heidelberg 1386–1986*, vol. 2 (Berlin, 1985), 412.

ражнений» или «философских обществ». Во второй половине столетия большинство этих курсов, первоначально объявлявшихся без определенных тем, по-прежнему носило название «упражнений», но в некоторых университетах воссоздавались «философские семинары» (см. ниже подраздел «Семинарское обучение»). Уже в первой половине XIX века в университетских календарях появился совершенно новый вид курсов, постепенно начался процесс тематической детализации «упражнений» и сложилась новая практика преподавания философии, когда профессора и студенты занимались отдельным автором или одной из его работ. В первой половине столетия количество семинарских курсов с определенной тематикой ни разу не превысило половины всех нелекционных курсов, каковыми их ради простоты можно назвать. Значительная часть этих семинарских курсов была посвящена лишь небольшой группе философов. В соответствии с перечнем всех курсов такого рода за семьдесят семестров с 1820/21 по 1855/56 годы, общее их число составило 530, причем передовые позиции занимали прусские университеты Берлина (124), Бонна (69), Бреслау (59) и Галле (56). Затем шел Лейпциг с 28 курсами, а замыкали список Росток и Вюрцбург с четырьмя и двумя семинарскими курсами соответственно за весь период с 1820/21 по 1855/56 годы. Таким образом, между университетами, в которых проводились семинарские занятия по определенным темам, существовали значительные различия. Однако важно отметить, что различия эти касались лишь этой детализации и не имели отношения к нелекционным по своей форме курсам.

Порядок наиболее часто изучавшихся философов показывает следующее распределение (число в скобках обозначает *дополнительные* семинарские курсы, предметом которых были также и другие философы): Аристотель 98 (14), Гегель 87 (36), Платон 76 (15), Кант 42 (14), Шеллинг 25 (21), Шлейермахер 21 (10), Спиноза 17 (6), Гёте 14 (4), Фихте 9 (15), Герbart 5 (9); было также 82 семинарских курса по «другим предметам», включавшим Стою, Фому Аквинского, Беме, Данте, Шекспира, Бруно, Локка, Лейбница, Юма, Шиллера, Лессинга и т. д. На многих семинарских курсах, посвященных только одному философу, рассматривались отдельные работы: по Платону — некоторые диалоги («Пир», «Федр» и т. д.); по Аристотелю — «Метафизика», «О душе», «Никомахова этика» и т. д.; по Канту — «Критика чистого разума»; по Шеллингу — главным образом работы по философии природы; по Гегелю — чаще всего его «Логика» и «Философия религии»; а по Гёте — почти всегда «Фауст». Хронологический обзор семинарских курсов по некоторым часто изучавшимся философам обнаруживает пробелы и отсутствие какой-либо упорядоченности в философских предметах, отразившиеся в университетских календарях.

В первой половине столетия заявленные семинарские курсы по Платону и Аристотелю зачастую вносились не в раздел философии, а в раздел филологии. Так студенты могли получить соответствующие знания, когда семинарских курсов по этим двум мыслителям, проводившихся философами и для философов, было недостаточно. Объем филологических курсов по философским темам в некоторых университетах был очень велик, причем иногда соотношение составляло два курса к трем в один семестр как, например, в Берлине в 1830–1840-х годах. Позднее, по-видимому, наступил этап обособления, когда филологи стали меньше интересоваться «великими» текстами («Госуда-

рство» Платона, «Метафизика» Аристотеля) и в большей степени сосредоточились на текстах, которые были важны для преподавания языка и литературы. В то же самое время объем лекций по философии вырос. На протяжении всего столетия Аристотель был самым изучаемым философом; во второй половине столетия он уступил свое место Канту (но по-прежнему опережал Платона), если контрольные выборки, взятые с пятилетними интервалами с 1860/61 по 1880/81 год, считать стандартным значением (1860/61: 7 из 17 семинарских курсов по отдельным философам, 1865/66: 5 из 14, 1870/71: 5 из 15, 1875/76: 5 из 28, 1880/81: 5 из 25).

Занятия по современным философам проводились с переменной частотой: здесь имели место значительные «циклические» колебания. В первой половине столетия семинарские курсы по Канту встречались довольно редко, но во второй половине столетия, особенно в 1870-х годах (1870/71: 3 из 15, 1875/76: 11 из 28, 1880/81: 9 из 25), их число значительно выросло. В 1840-х годах, то есть в течение непродолжительного периода времени, такую роль «властителя умов», вне всякого сомнения, играл Гегель; в течение этого периода семинарские курсы явно достигли максимума. С другой стороны, во второй половине столетия семинарские курсы о нем встречались нечасто. Вплоть до 1855/56 года семинарские курсы по Фихте проводились реже курсов по Шлейермахеру или Гете. Кроме того, Фихте, как правило, изучался вместе с Кантом, Шеллингом и Гегелем. Интерес к «Фаусту» Гете среди философов не был чем-то необычным даже в XX веке: Евгений Кунеман (род. 1868), «ординарный» профессор в Бреслау, использовал его сочинение в качестве предмета своего учебного курса и в 1925 году.

Частота изучения отдельных философов иногда зависела от предпочтений отдельных профессоров философии: например, очень часто семинарские занятия по Платону проводил Георг Антон Фридрих Аст в Мюнхене, а по Аристотелю — Кристиан Август Брандис в Бонне и Фридрих Адольф Тренделенбург в Берлине. Хотя многие преподаватели делали заявки на проведение таких семинарских курсов, большинство из них также читало лекции по истории философии. Изучение отдельных философов или работ, как и чтение лекций по истории философии, означало отход от систематического или концептуального понимания философии. Тот факт, что *цели* систематического порядка, которыми в XIX веке — при определенных обстоятельствах — был обусловлен интерес к Гегелю или Канту, не в состоянии были по-настоящему противостоять тенденции к историзации преподавания философии, становится очевидным при рассмотрении определенных форм такого преподавания, то есть практики передачи знаний нелекционными средствами.

Семинарское обучение

В XIX веке из всех курсов по философии — как на философском факультете, так и в целом — лекционные курсы были распространенным и наиболее часто используемым средством передачи знаний. Не менее распространенными, хотя и куда менее частыми, были «упражнения», «общества» и другие формы, по выражению современников, «разговорного обучения». Критика «чистого лекторства» и «конспектирования» студентами не прекращалась на протяжении

всего столетия, и во многих дисциплинах раздавались призывы к другим, более близким и живым, формам контакта между преподавателями и студентами. То, что во многих дисциплинах естествознания с введением экспериментов стало новым и успешным методом преподавания, в связанных с филологией гуманитарных науках могло дать разговорное обучение, которое в течение столетия обрело свое институциональное воплощение в виде «семинаров». Семинары предполагали вовлечение студентов в научную работу преподавателей и в то же самое время были более живой и непосредственной формой обучения.

В XIX веке «семинар» был чем-то вроде особого института внутри дисциплины: местом проведения занятий и статьей бюджета в университете. Подготовленные студенты могли или должны были участвовать в семинаре по своей дисциплине; будучи участниками семинара, они приходили один раз в неделю или чаще в определенную университетскую аудиторию, в центре которой в идеале находился большой стол, а вдоль стен стояли книжные стеллажи; от соответствующего министерства университет получал определенную сумму на содержание аудитории, покупку книг, а иногда и на оплату профессоров, проводивших семинарские занятия, и — реже — на выплату стипендий участникам семинара. Таким образом, определение семинара нуждается в уточнении, поскольку семинарское обучение сочетало в себе черты всех трех этих сторон: оно было составной частью учебного плана, средством исследования и инструментом преподавания. Уже в XVIII веке последний аспект играл важную роль при проведении семинаров по теологии и филологии (впервые в Геттингене): государство было заинтересовано в сохранении максимально возможного педагогического контроля над теми, кого оно желало использовать в качестве школьных учителей. Та же практика сохранилась и в XIX веке; семинары были средством проверки профессиональной пригодности, и профессора обязаны были таким образом проверять пригодность кандидатов на получение учительских должностей.²⁷

Второй аспект семинарского обучения, семинар как средство исследования, в определенной мере повлиял на формирование идеологии немецкого университета; еще в начале XIX века Шлейермахер, например, подчеркивал, что преподаватель мог лишь направлять работу и взаимодействие своих студентов на семинаре.²⁸ И только во второй половине XIX века семинары, введенные почти во всех университетах почти по всем гуманитарным дисциплинам, стали важнейшим этапом научной подготовки, через кото-

²⁷ Wilhelm Erben, 'Die Entstehung der Universitäts-Seminare', *Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik*, VII ([Berlin] 1913), 1248–64, 1336–48.

²⁸ Friedrich Daniel Ernst Schleiermacher, 'Gelegentliche Gedanken über Universitäten in deutschen Sinn' (1808), in *Die Idee der deutschen Universität*, ed. Anrich, 265; об интеллектуальном историческом обосновании семинаров как свободных собраний профессоров и студентов см. также: Adolf Dyroff, 'Das Philosophische Seminar und das Psychologische Institut', in *Geschichte der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn am Rhein, vol. 2: Institute und Seminare 1818–1933* (Bonn, 1933), 136ff.; пример «свободного» семинара, не имевшего институциональных корней, см.: Gustav Thaulow, *Notwendigkeit und Bedeutung eines pädagogischen Seminars auf Universitäten und Geschichte meines Seminars* (Berlin, 1845), 48. Таулов (род. 1817) был в то время приват-доцентом в Киле, где в 1846 году он стал «экстраординарным» профессором, а в 1854 году — «ординарным» профессором философии и педагогики.

рый должен был пройти всякий, кто стремился к университетской карьере. Но к философии это относилось в меньшей степени, о чем свидетельствует незначительное число уже сложившихся семинаров по философии: в конце XIX века в Германии их было всего четыре.²⁹ Хотя понятно, что государство не вводило их по той простой причине, что философия не была школьным предметом, все же поразительно, что сами профессора не выражали заинтересованности в их создании. В этом отношении уже к 1877 году стало очевидно, что философия на самом деле отличалась от всех остальных научных дисциплин.³⁰

Но, конечно же, наиболее важным является первый из упомянутых выше аспектов; семинарское обучение в первую очередь следует считать составной частью учебного плана и только потом уже говорить о его научном и педагогическом назначении. Он был основным средством, помогавшим сформировать у студента инициативу и придать его вниманию нужную направленность. В этом смысле, курсы, посвященные отдельным философам или работам, можно считать семинарскими, хотя этот институт не соответствовал ни одному из трех приведенных выше определений. (Термин «семинарский курс», которые в XX веке получил в Германии широкое распространение, по-прежнему обозначает нелекционную форму в этом общем смысле слова). В XIX веке семинарское преподавание философии стало обычной практикой даже там, где оно не было введено в административном порядке. Там же, где оно вводилось, его цель, согласно Лейпцигскому статуту 1873 года, состояла в том, чтобы направлять студентов при работе с философскими текстами.³¹ В Лейпциге имелись полноправные (примерно 12 студентов, с которыми профессор был знаком лично) и ассоциированные участники семинара (неограниченное число); приведенные цифры и описанные механизмы проведения семинаров свидетельствуют о том, что данная практика преподавания почти ничем не отличалась от «занятий» по определенной теме и что такие занятия могли быть сопоставимы по глубине проработки темы.

В немецких университетах XIX века особое восхищение у наблюдателей, например у французов, вызывали семинарские занятия, отражавшие интеллектуальное богатство института и отход от монологических форм преподавания.³² В гуманитарных науках на основе семинарских и других занятий сложилась новая форма обучения, не менее характерная для современного

²⁹ Вильгельм Лексис называл Геттинген, Фрейбург и Страсбург; см.: W. Lexis (ed.), *Die Universitäten im Deutschen Reich. Unter Mitwirkung zahlreicher Universitätsgelehrter*, vol. I (Berlin, 1893), 616; бюджетное финансирование эти семинары имели лишь во Фрейбурге и Страсбурге, а в Геттингене они, по-видимому, проводились на добровольных началах. Помимо них, в 1890-х в Йене существовал «частный философский семинар», также не имевший бюджетного финансирования.

³⁰ См.: E. Pfeiderer, 'Philosophische Seminare', *Im Neuen Reich* 7 (1877), 147.

³¹ См.: *Festschrift zur Feier des 500-jährigen Bestehens der Universität Leipzig*, ed. vice-chancellor and senate, vol. 4 (Leipzig, 1909), 115–117.

³² Отнюдь не апологетические отзывы см.: Edmond Dreyfus-Brisac, *L'Université de Bonn et l'enseignement supérieur en Allemagne* (Paris, 1879), 157; Gabriel Séailles, 'L'Enseignement de la philosophie en Allemagne', *Revue internationale de renseignement*, 6 (1883), 972; and Louis Léger, 'Les Programmes des universités allemandes', *Revue des cours littéraires de la France et de l'étranger*, 6, 44 ([Oct.] 1869).

преподавания, чем диспут для обучения в Средневековье и в начале Нового времени.³³ Для преподавания философии в университете распространение семинарского обучения означало радикальную перемену в средствах передачи знаний. Помимо своих лекций, профессор философии в XIX веке сначала вел – самое большее – один, затем – самое меньшее – один, а в конечном итоге даже два семинарских курса в семестр – в XX веке при преподавательской нагрузке, состоящей из четырех курсов, как правило, только один проводится в лекционной форме.

Если рассматривать лекции и семинарские курсы с выраженным историческим уклоном, историзацию философии можно считать постоянным и почти непреодолимым процессом.

Если изучение университетских календарей XIX века обнаруживает постепенный и неуклонный рост числа лекционных и семинарских курсов по истории философии, это означает, что читавшиеся курсы по философии, которых в период с 1820/21 по 1855/56 годы насчитывалось почти 14. 000, можно легко упорядочить и классифицировать в соответствии с их тематикой. В то же самое время, важно учитывать, что историзация преподавания философии была повсеместной, то есть охватывала все университеты.

Термин «историзация» не следует использовать для обозначения какой-либо позиции, точки зрения или мнения, хотя на то есть определенные основания. В конце XIX века среди университетских профессоров получил распространение определенный пессимизм относительно оригинальности своей собственной деятельности. Вильгельм Виндельбанд, например, утверждал, что после Канта и Гегеля университетская философия превратилась во что-то второсортное: «Даже если все, чем мы сегодня занимаемся, не является чем-то мертвым или ненужным, оно представляет собой эпигонство».³⁴ То, что интерес к истории философии скрывал отсутствие систематической мысли, что таким образом удавалось найти успокоение в совершенно неуправляемом настоящем, и что велись разговоры о неспособности самой философии соответствовать философским стандартам, во времена Виндельбанда было столь же верно, как и сегодня. Однако ни занятия историей философии, ни ориентированное на нее преподавание не следует считать признаками упадка. Дело в том, что одновременно с пробуждением интереса к истории, соперничавшего с интересом к систематическим и энциклопедическим построениям и ему противоречившего, открылся горизонт новых возможностей для обсуждения и интеллектуальной деятельности. Чтобы лучше понять университетскую философию, необходимо показать, что именно в этих эпигонских работах не было, по словам Виндельбанда, «мертвым» и «ненужным», то есть, чем обосновывалось ее собственное существование в противовес подчеркнуто «чистой» философии.

³³ См.: Paulsen, *Wesen und geschichtliche Entwicklung der Deutschen Universitäten*, 19, 67, 74ff.; см. также высказывание Юргена Бона Мейера, назвавшего в 1875 году лекции и семинары «двумя сторонами университетского обучения»: Jürgen Bona Meyer, *Deutsche Universitätsentwicklung. Vorzeit, Gegenwart und Zukunft* (Deutsche Zeit- und Streitfragen, part 48; Berlin, 1875), 84.

³⁴ Цит. по: Reiner Wiehl, 'Die Heidelberger Tradition der Philosophie zwischen Kantianismus und Hegelianismus', in *Semper Apertus*, ed. Doerr, 425.

Возможно, при осмыслении результатов изучения университетских календарей полезным может оказаться понятие «академической экономии» философского знания. Если признать, что возникновение различия между степенями овладения знанием, лежащего в основе обучения, обусловлено самой диалектикой диалога между студентом и профессором, поскольку взаимосвязь вопросов и ответов возникает лишь в результате такого различия, тогда наделение исторического знания особыми правами представляет собой огромное достижение. Если философствование в лекционной аудитории принимает форму обсуждения философских текстов, возможности обучения почти неисчерпаемы. В отличие от систематического и догматического подхода к философии, который не признает никаких исторических аргументов, исторический и проблемный подход открыт для теоретического обсуждения. Хотя, как отмечал Энтони Графтон по поводу истории классической филологии, можно признать, что в университетской философии преподавание вытеснялось исследовательской деятельностью, а гумбольдтовский идеал образования пал жертвой специализации, широкий интерес к истории философии нельзя критиковать только за это.³⁵ Так как историзация университетского преподавания не остановилась на рубеже XX века, скорее, ее необходимо признать важным достижением немецкой университетской философии.

Продолжающаяся историзация философии в конечном итоге привела к исчезновению предметного канона (то есть относительной классификации подразделов философии, преобладавшей на всем протяжении XIX века) именно потому, что она определяла философию в первую очередь как литературный феномен. Но это также означает, что изучение университетских календарей, которым до сих пор занимались исследователи, становится невозможным; в университетских календарях XX века отсутствует подразделение на категории. Хотя можно вполне обоснованно говорить о существовании тенденции к изучению определенных авторов и проблем, все попытки разграничить отдельные дисциплины превращаются в сравнение списков литературы. Рабочие методы философских семинаров стали общепринятыми.

Заключение

Шопенгауэр и Ницше назвали «университетской философией» смешение официоза, учености, педагогики и тщеславия с философской мыслью; короче говоря, они критиковали определенные проявления преподавания университетской философии от имени чистой, свободной философии. Такая критика возникла одновременно с институционализацией и монополизацией преподавания философии в немецких университетах и будет существовать до тех пор, пока подобное положение будет оставаться неизменным. Высказанные Гегелем сомнения относительно университетской формы философии не переставали беспокоить Адорно. Здесь нет ничего нового: с классических времен философы обсуждали вопрос о том, стоит ли вообще преподавать философию и каким образом это следует делать. Поэтому неу-

³⁵ См.: A. Grafton, 'Polyhistor into Philolog: Notes on the Transformation of German Classical Scholarship 1780–1850', *History of Universities* 3 (1983), 159–192.

дивительно, что с появлением профессоров философии этот вопрос пришлось сформулировать по-новому: стоит ли преподавать философию в университете и каким образом это следует делать? Но удивительно, что этот вопрос до сих пор ставится только в теоретическом ключе. Частично ответ на него помогает дать история: довольно долгое время вопрос о том, «стоит ли преподавать университетскую философию и каким образом это следует делать», был историческим фактом.

Сложность же признания этого исторического факта заключается в том, что при более точном определении университетская философия оказывается сложной системой деятельности, которую термин «преподавание философии» описывает лишь отчасти и которую университетские календари помогают изучить только при первом приближении. Но отказ двигаться дальше служит необходимым условием действительного признания положительного факта «университетской философии».

Это не означает ни отрицания того, что немецкие университеты в XIX веке были средоточием множества социальных и политических различий и конфликтов, ни необходимости рассмотрения вопроса о том, что в течение того же периода философия артикулировалась и формулировалась столь различными способами, что у всякого историка философии возникают большие сложности при попытке сделать какое-либо всеобъемлющее утверждение. Но с момента возникновения (истории) университета для изучения положения философии как дисциплины на философском факультете, чтобы не утонуть в частности, необходимо было согласиться с общими по своему характеру утверждениями, так что за основу приходилось брать историю философии. Пребывание на уровне действий, событий и процессов неизбежно влечет за собой выпадение из поля зрения того, что не считалось таким фактором до тех пор, пока не было начато изучение университетских календарей: понимание университета как института преподавания.

Отдельные немецкие университеты, несомненно, были *различными институтами*, если рассматривать их в политическом, административном или социальном контексте; однако в научно-исследовательской и преподавательской деятельности они составляли *единый институт*. В данном случае это было показано на примере одной дисциплины (философии), но этот метод исследования подходит и для других дисциплин. В техническом смысле, под университетской философией понималась та философия, которая преподавалась в университете под соответствующим названием. Правомерность этого метода основана на том, что в этом отношении различия между университетами незначительными, а сложность описанной ситуации лишь подтверждает ее внутреннее богатство. Например, выводы всегда можно поправить или разъяснить при помощи более глубокого исследования на социальном или политическом уровне, и ничто не мешает соотнести данные, полученные в результате изучения университетских календарей, с историей конкретного университета или, в данном случае, с конкретной историей философии. Если проведенное исследование можно использовать таким образом, значит, оно выполнило поставленную задачу.

Кроме того, полезно было бы дать более полное описание феномена преподавания философии. Хотя в статистике курсов по философии, при усло-

вии осторожного с ней обращения, раскрываются только два обстоятельства, а именно – регулярность (предметного канона) и существование тенденции (к историзации), она также позволяет изучить связанные с философией проблемы, касающиеся как преподавателей, так и студентов. Иными словами, изучение университетских календарей предполагает изучение практической стороны философии, а следовательно, и процессов передачи и овладения философскими знаниями. *Передача* философских знаний, понимаемая как активность профессоров, не должна противопоставляться пассивности, то есть *овладению* философскими знаниями студентами. Чтобы прийти, в частности, к более глубокому пониманию взаимосвязи между передачей и овладением философскими знаниями, необходимо предпринять более глубокое исследование университетских календарей. В проведенном исследовании выяснилось, по крайней мере, то обстоятельство, что в XIX веке в Германии профессора и студенты понимали философию по-разному – как науку и как литературу. Практика преподавания философии организовывалась в соответствии с этими представлениями.

В XIX веке олицетворением философии как науки, как одной из дисциплин философского факультета, был предметный канон. В то же самое время пропедевтическая функция отдельных философских предметов (энциклопедии, логики, психологии) свидетельствует о том, что положение этой дисциплины, в отличие от остальных, было проблематичным и трудноопределимым. Во многих отношениях университетская философия была тесно связана с другими дисциплинами и факультетами, хотя такие отношения, за исключением редких и всегда минимальных экзаменационных требований, институционально упорядочены не были. Таким образом, проблемы, связанные с философией как дисциплиной, ни в коем случае нельзя отделять от изучения университета как института научно-исследовательской деятельности. Необходимо установить, выражалось ли каким-либо образом у представителей факультета, если не всего университета, – принимая во внимание неопределенность роли курсов по философии, в какой-то степени препятствовавшую подразделению дисциплины на отдельные составляющие – корпоративное самосознание и какое влияние оно оказывало на понимание научной деятельности. Не следует забывать, что латинские университетские календари, в которых не выделялись отдельные предметы и которые продолжали выходить во второй половине столетия, также отражали схожее корпоративное устройство.

Совершенно очевидно, что идеология «немецкого университета», а именно – программное («философское») приравнивание организационного и функционального сообщества ученых к совершенному единству наук, содержала послышку о том, что философия подготавливала студентов к научному мышлению как таковому. С практической точки зрения такая подготовка не требовала от студентов и преподавателей приложения больших усилий, поскольку задачи лекций по философии были едва обозначены, а лекционные аудитории, используемые профессорами философии, были открыты для всех.

В основу свободы «философии», под которой в XX веке понимались свободный статус философии в университете и свобода преподавания филосо-

фии,³⁶ была положена модель немецких университетов XIX века. Безусловно, этот институт в то время обеспечивал большую свободу преподавательской и исследовательской, чем, например, во Франции. Хотя во Франции философия в значительной степени была институционализована в средних школах и на филологических факультетах, она не обладала той функциональной свободой, которая существовала в Германии; профессора были привязаны к утвержденным государством «программам».³⁷ Наиболее успешное исследование различных способов преподавания философии возможно при помощи сравнения немецкой и французской моделей, поскольку стратегии преподавания и методы овладения философскими знаниями прочно укоренены в истории преподавания, а следовательно, и в культурной истории обеих стран.

Тот факт, что идея философии как науки, долгое время преобладавшая в Германии, также предполагала ограничение ее предметной области, в университетах признавался крайне редко.³⁸ Тем не менее, обвинения немецкой университетской философии XIX века в оторванности от повседневной жизни, схоластической замкнутости и специализации, свидетельствуют о том, что за пределами университета она всегда могла получить иную оценку. Поэтому Шопенгауэр, открыто выступавший против канонизации философского знания и считавший философию «наукой, которую только предстоит открыть», — такой точки зрения и по сей день придерживаются его приверженцы — неразрывно связан с историей немецкой университетской философии. Он олицетворяет внешнюю сторону феномена «университетской философии», и в этом смысле данный феномен нуждается также и в описании своих внешних сторон, а не только совокупности внутренних проблем.

Критические выпады «извне» не прекращались ни в процессе, ни после завершения того, что было осторожно названо здесь историзацией преподавания философии. По-видимому, то, что философия в университетах отождествлялась с европейской историей философии, и что стратегии преподавания превратились в интерпретации, а методы овладения знаниями в упражнения по чтению, не сделало ее академический характер менее очевидным. В начале XX века университетская философия в Германии была всего лишь одним из гуманитарных предметов среди множества других, то есть она была постепенно развивающейся дисциплиной, которая проходила через новые определения и новые интерпретации особого рода литературы. Осуществление задачи написания истории этой по-прежнему весьма плодотворной дисциплины потребовало бы привлечения многих исследователей. Однако, как видно из лекций по истории философии и семинарских

³⁶ См.: Georges Canguilhem, 'La Signification de l'enseignement de la philosophie', in *L'Enseignement de la Philosophie. Une enquête internationale de l'Unesco* (Paris, 1953), 22.

³⁷ См.: Stéphane Douailler and Patrice Vermeren, 'L'Institutionnalisation de l'enseignement philosophique français', in *Encyclopédie philosophique universelle, vol. I: L'univers philosophique*, ed. André Jacob (Paris, 1989), 808ff.; *La Philosophie saisie par l'Etat. Petits écrits sur l'enseignement philosophique en France 1789-1900*, ed. S. Douailler, Chr. Mauve, G. Navet, J. -C. Pompuognac, P. Vermeren (Paris, 1988).

³⁸ Ср.: Eugen Fink, 'L'Enseignement de la philosophie en Allemagne', in *L'Enseignement de la Philosophie*, 33.

курсов в XIX веке, такую преподавательскую деятельность — по крайней мере внешне, на основе тем — можно описать весьма неплохо.

Можно утверждать, что, если профессора философии пренебрегали такими предметами, как логика и психология, чтобы изучать проблемы логики и психологии в классических текстах, их нельзя считать простыми историками философии. Однако история университетской философии в XIX веке ясно показывает, что существование двух способов преподавания отражало существование реальной альтернативы. С точки зрения преподавательской практики, философы были историками философии, а их дисциплина была историко-филологической, поскольку в лекционных, семинарских и других занятиях преобладал интерес к истории философии. Для того чтобы по-настоящему понять историю немецкой философии последних двух столетий, необходимо принять во внимание факт ее присутствия в университетах, то есть ее регулярное преподавание: именно поэтому изменения в методах преподавания философии составляют неотъемлемую часть ее истории.

Философы истории наподобие Освальда Шпенглера притязали на изложение правдивой и точной истории философии XIX века, а историки философии наподобие Карла Левита поставили под сомнение возможность осуществления такой задачи.³⁹ Однако никто до сих пор не говорил в соответствующих исследованиях по истории философии об университетском преподавании и не пытался предложить ясной картины влияния университета как института на понимание того, что представляет собой философия. С точки зрения истории образования и культуры, никто не связывает институционализацию «свободной мысли» в Германии в начале XIX века с феноменом непрерывной практики преподавания, а сам этот факт (то есть феномен практики преподавания) остается практически неизученным. Университетские философы все время забывают рассматривать практику преподавания в ее историческом измерении. Изучение университетских календарей — это действенное средство изучения истории университета и различных дисциплин, а также преодоления типичной для 'homo academicus' слепоты к своей собственной деятельности.⁴⁰

Перевод с английского
Артема Смирнова

³⁹ См.: Шпенглер О. *Закат Европы*. Т. 1. М.: Мысль, 1998. С. 480; Левит К. *От Гегеля к Ницше. Революционный перелом в мышлении XIX века*. СПб., 2001.

⁴⁰ См.: Pierre Bourdieu, *Homo academicus* (Paris, 1984).